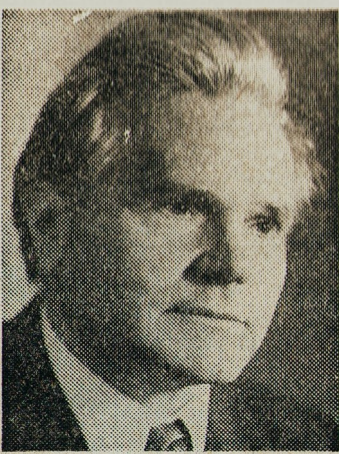

09.09.1980 г.

159

беседы о мастерстве

Афанасий
САЛЫНСКИЙ:

СОВРЕМЕННОСТЬ — ПОНЯТИЕ НЕ КАЛЕНДАРНОЕ

9 сентября известному советскому драматургу Афанасию Дмитриевичу Салынскому исполняется 60 лет. В канун дня его рождения с писателем беседует наш корреспондент.

— Афанасий Дмитриевич, сейчас в Академическом театре имени Вл. Маяковского Андрей Гончаров репетирует вашу новую пьесу «Молва». Ею заинтересовались и другие режиссеры. Скажите, пожалуйста, почему вы избрали временем действия 20-е годы?

— Потому что лежащие в материале пьесы нравственные проблемы волнуют меня и, я полагаю, могут волновать и моих современников. Писатель, мне думается, не должен ограничиваться временем, которое отмерила ему судьба. Живя своей эпохой, он одновременно живет и прошлым, и настоящим, и будущим народа. И у него особое, ассоциативное видение жизни и судеб героев. Почему с таким острым интересом читается нынче классика? Кинофильмы, поставленные по произведениям Толстого, Достоевского, Чехова, Пушкина, собирают полные залы. Зрители сопереживают героям, как самым близким своим современникам. Почему это происходит? Потому что в классике раскрыты глубины человеческого духа. Потому для нас, например, Наташа Ростова современнее многих литературных барышень, мелькающих на страницах «наисовременнейших» новостей, публикующихся ныне.

Конечно же, когда работаешь над пьесой, вовсе не держась мечтать, что твои герои станут вровень с классическими. Думать так было бы не только наивно, но и смешно. Упоминаю же я высокие литературные образцы исключительно ради того, чтобы утвердить важнейшую мысль: современно не только то произведение, действие которого происходит в сегодняшний календарный год; главное в том, что оно

помогает осмыслить жизнь во всей ее полноте и перспективе. Поэтому, я полагаю, писатель волен для постановки самых современных проблем избирать такое время действия, которое поможет ему с наибольшей полнотой решить свою художественную задачу.

Я «поселил» героев своей пьесы «Молва» в бурную и сложную эпоху начала двадцатых годов нынешнего столетия, когда после только что закончившейся гражданской войны каждый человек, независимо от рода занятий, должен был решать трудные нравственные вопросы и выбирать для себя именно тот жизненный путь, который он считал единственно правильным.

— В центре «Молвы» — два характера — Аля Батюнина и Иван Шишлов. Оба они олицетворяют творческое, созидательное начало в человеке. Почему же конфликт между ними вы доводите до трагедийного накала?

— Дело в том, что проблемы, которые они решают, — это проблемы жизни и становления общества. Конфликты такого рода во все времена не были пустячными, зачастую вопрос стоял о жизни и смерти людей, выражавших те или иные взгляды.

— Ваша главная героиня коммунистка Аля Батюнина действует гуманистично, сознательно, она и по профессии — землеустроитель: подготавливает земли для будущей, более счастливой жизни. Но ведь и Иван Шишлов у вас фигура очень симпатичная: он честен, бескорыстен, великим захвачен самыми светлыми мечтами, в чем-то даже утопически-наивными. Почему же с развитием действия пьесы ощущаешь Шишлова все более неприязненно и его трагический конец воспринимаешь как закономерность?

— Да, Иван Шишлов в чем-то действительно симпатичен. Но ведь наивность его не так уж мила и безобидна, она претворяется в поступки безнравственные, социально жестокие. Все направление его деятельности, не учитывающей реальных исторических закономерностей развития общества, бесперспективно и обречено. В моей пьесе метания Ивана Шишлова лишь подчеркивают незыбле-

мую правоту того дела, которому отдает свою жизнь Аля Батюнина.

— В «Молве» собрались самые различные люди — бойцы гражданской войны, эшманы, грешники, стяжатели, праведники, прельстительные дамы и юродивые. Возможно ли их всех вместе представить в то время под одной крышей?

— А возможно ли носу майора Ковалева отделиться от своего хозяина и пойти гулять по Невскому проспекту? Традиции нашей литературы дают толчок писательской фантазии. Так что, если бы я даже и очень хотел, я не могу считать себя новатором и тогда, когда прибегаю к приемам фантастическим или притчевым.

— Предстоящий XXVI съезд партии для любого советского человека — событие наиважнейшее. Чем характеризуется ваша «творческая пятилетка»?

— Для литератора съезд Коммунистической партии — это необходимость углубления мысли, создания ярких характеров, выражающих суть нашего времени. Моя личная «драматургическая пятилетка» характеризовалась пьесами «Долгожданый» и «Летние прогулки». О них в печати писали, повторялись не буду. Скажу лишь, что они содержат серьезные нравственные проблемы.

— Бывает, что пьеса интонации автора выглядит ультра-современной: и антураж в ней — стройка, завод, колхоз и время действия — наши дни. Однако уходишь со спектакля с холодным сердцем и тотчас забываешь о нем...

— Почему же, есть и хорошие пьесы, скажем, Дворецкого и Гельмана. Но театры, к сожалению, зачастую ищут пьесу «на производственную тему» лишь по чисто внешним признакам. Авторы таких произведений пишут, казалось бы, о производстве, о людях труда — нефтяниках, геологах, строителях, но это лишь внешние признаки человеческой личности: характеры здесь глубоко не раскрыты, едва-едва намечены. Язык персонажей серый, безликий, напоминающий прилизанные стенограммы. Я твердо убежден, что подобные ремесленные подел-

ки дискредитируют важную тему.

— А как журнал «Театр» стремится поднять уровень драматургии?

— Не будет преувеличением, если я скажу, что подавляющее большинство лучших пьес советских драматургов, и прежде всего пьес о современности, составляющих ныне основу репертуара театров, было напечатано на страницах нашего журнала. На протяжении ряда лет журнал выступал с критическими и проблемными статьями, посвященными пьесам и спектаклям на «производственную» тему, которая была особо выделена в одном из разделов Отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду партии. Мы и сегодня продолжаем этот разговор, постоянно расширяя его рамки. Ведь участие нашего современника в трудовом процессе, его вклад в общее дело, его отношение к труду и к товарищам непосредственно связаны с его моралью, с его нравственностью. За самыми совершенными машинами мы призываем художников театра всегда видеть человека, как можно глубже проникать в его внутренний мир, поддерживать или подвергать критике все то в нем, что помогает или мешает совершенствоваться ему самому, а значит, в конечном итоге и обществу в целом.

В своих редакционных планах, посвященных XXVI съезду партии, мы предусматриваем выступления партийных и советских работников, выделяя прежде всего те регионы, к которым приковано внимание всей страны. — это Нечерноземье, Сибирь, Дальний Восток. Учитывая сложность и важность нынешнего этапа борьбы двух идеологий, журнал будет еще решительнее и активнее выступать с критикой буржуазных и ревизионистских эстетических концепций, модернистских течений, разблачать фальшь и антинародный характер буржуазной «массовой культуры».

— В каких формах выражается работа журнала с творческой молодежью?

— Это публикация пьес начинающих драматургов, статей молодых критиков-театроведов, организация совместно с Союзом журналистов СССР и ВТО всесоюз-

ных семинаров журналистов, пишущих о театре.

— А проблема «малых сцен»? Не связана ли она в какой-то мере с именами молодых драматургов?

— Должна быть связана. Полагаю, что было бы целесообразным отдать малые сцены под эксперимент. И не ждать от этого на первых порах коммерческого успеха. Пусть молодые получают право на какой-то риск. Тогда появятся новые имена. И в том числе драматических писателей. Мы многого вправе ждать от них. Некоторые молодые уже интересно заявили о себе своими пьесами — Алексей Казанцев, Алла Соколова, Виктор Славкин, Оралхан Бокеев, Владимир Малагин, Ярослав Стельмах, Александр Ремез и другие.

— Мне лично работа писателя в драматургическом жанре представляется не только трудной, но и в какой-то мере загадочной.

— Не хотелось бы вас разочаровывать, заявляя, что никакой «тайны» в творчестве драматурга, как и писателя любого другого жанра, нет. Но специфика нашей работы, безусловно, своеобразна, и в двух словах ее не охарактеризуешь. Дело в том, что рождение любого характера в литературе, независимо от того, создается ли он в жанре прозы или драматургии, — процесс, в равной степени непростой и, может быть, даже, как вы сказали, загадочный. И дело здесь, конечно, не в какой-то мистике. С точки зрения научной, здесь все можно обосновать логично и подробно изложить принципы художественного творчества. И все-таки, как бы мы ни подходили к моменту создания образа, все равно он остается тайной.

Меня прежде всего волнует человеческая судьба. И, если я вижу в этой судьбе какую-то глубоко скрытую боль, тревогу или иное, может быть, радостное переживание, тогда я пытаюсь понять человека и проследить его судьбу. Важно представить себе во всех основных чертах избранного тобой героя. И тут, конечно, есть своя специфика, присущая именно труду драматурга: он должен все черты персонажа пере-

дать в его словах, репликах, монологах.

Много лет веду записные книжки, в которые заносю и счастливо найденное, необычное слово, и оригинальную мысль, и портрет человека, который показался мне чем-то интересным. Для каждой пьесы делаю множество заметок.

— Вы упомянули о монологах. По-моему, это очень выразительная форма характеристики персонажей. Почему она сейчас у наших драматургов столь непопулярна?

— Монолог почти ушел из драматургии, очевидно, потому, что в нем, как утверждают многие теоретики и практики этого жанра, есть что-то ненатуральное. Но, в сущности, ведь все искусство условно. И монолог как деталь условности в драматургии и на театральной сцене может быть совершенно естественным. Я тоже редко пользуюсь в своих пьесах монологами и горько сожалею об этом.

— Большинство ваших пьес заканчивается трагично...

— А почему вас это смущает? Ведь даже тончайший психолог Антон Павлович Чехов, пьесы которого мы считаем образцом литературного изящества, отнюдь не уходил от глубокого драматизма; почти во всех его пьесах погибали наиболее симпатичные ему герои. Я не хочу сказать, что это должно быть обязательным для каждой драмы. Вовсе нет.

Важно подчеркнуть право автора на изображение жизни такой как она есть. Люди и сегодня радуются и страдают, проводят свои дни в безмятежности и полном благополучии или же с трудом обретают душевное равновесие. Так что трагизм в драматургии имеет, с моей точки зрения, полное право на существование. И более того: в отсутствии произведений этого жанра я вижу одну из болевых точек нашей драматургии, одну из ее очевидных слабостей.

— Что вы больше всего как драматург и человек ненавидите в жизни?

— Грубую силу, жестокость, навязывание своей воли другим людям.

— А какие качества человеческой души вам хотелось бы поддержать?

— Стремление к раскованности мысли, чувствования, творческих размышлений, замыслов — все то, что дано советскому художнику и что направлено на благо людей и общества. Ценю в человеке принципиальность, доброту, верность своему долгу.

Беседу вела
Валентина ЖЕГИС.